

МАЙКЛ
МАРДЕР

Лес и выживание¹

I

Майкл Мардер (р. 1980) – философ, профессор философии Университета Страны Басков, старший научный сотрудник Икербаск – Научного фонда Страны Басков.

Прежде, чем отыскать тропу (одну из многих), которая приведет нас в лес, стоит задаться вопросом о смысле выживания. Что значит выжить – для человеческих и нечеловеческих существ, индивидов и сообществ, природ и культур? Означает ли это продолжать дышать, питаться и удовлетворять прочие базовые физиологические потребности, невзирая на постоянные угрозы или уже случившуюся катастрофу? Значит ли это жить после смерти других? Пережить саму жизнь?

По меньшей мере со времен Аристотеля западная философия проводит четкую границу между двумя видами жизни: с одной стороны, физической витальностью *zōē*, которую люди разделяют с прочими организмами, и, с другой стороны, духовной витальностью *bios*, жизнью разума и социального существования. Исходя из этого различия мы видим, что выживание, как и жизнь, разделено на две части. Жизнь против жизни; выживание против выживания. Таким образом, физиологическая жизнь была обесценена и признана незначительной по сравнению с духовным существованием. Метафизическая традиция Запада без колебаний жертвует обесцененной долей витальности ради жизни духа. И будучи исключенными из высших

1 Текст написан специально для этого номера «НЗ».

**ПОЛИТИКИ
ЛЕСА: СЛЕДУЯ
ЗА РАСТЕНИЯМИ**

042

сфер бытия, нечеловеческие существа и формируемые ими экосистемы служат подходящим материалом для этой жертвы.

Картина, которую я только что набросал очень широкими мазками, является идеологической предысторией нашей нынешней ситуации. Более того, эта идеология доказала свою несостоятельность – полную несовместимость с продолжением существования, с каким-либо видом жизни или выживания: тысячелетняя идеология выживания мешает динамике выживания в настоящем и в будущем. Отнюдь не абстрактная, эта идеология формирует более или менее скрытую инфраструктуру наших экономических практик и расчетов. Но, даже если в бухгалтерских книгах все подсчитано, мы просчитались в главном: оказывается, что так называемая высшая жизнь разума и культуры не может продлиться и секунды без витальности пищеварения и обмена веществ, свежего воздуха и воды, диапазона комфортных температур и здорового питания. Духовное выживание – искусства, мышления, культуры и даже технологий – зависит от выживания физического и физиологического. Устойчивость, в первую и последнюю очередь, является вегетативной: не мы, благодаря тщательно выверенным коллективным практикам, удерживаем мир, подобно мифическому Атланту, а растения, обеспечивающие ингредиенты для жизни и выживания, необходимые для всех прочих видов витальности.

Модус или модель выживания, задаваемые растительным миром, теперь очевидны: необходимо инвертировать систему ценностей и порядок бытия, диктуемые западной метафизикой. Поступая так, мы поставили бы на ноги перевернутую вверх дном, стоящую на голове реальность, где эфирные, иномирные, духовные основы понимались как нечто более важное и непреложное, чем жизнь в ее невыразимом разнообразии. Именно этот порядок отвлек нас от простого факта, что без растений нет ни жизни, ни выживания – без воздуха, который они регенерируют, без почвы, которую они обогащают, без питания, которое они обеспечивают. Но так же важно помнить, что инверсия не оставляет нетронутыми общие очертания структуры: теперь мы понимаем, что живые (но также развивающиеся, умирающие, разлагающиеся и, быть может, возрождающиеся) основы не вечны, а хрупки, что нет никаких гарантий их будущего сохранения.

Тем не менее, сколь бы радикальным это ни казалось, переворачивания перевернутых и извращенных систем ценностей недостаточно. Мы делаем еще один шаг, когда осознаем, что жизни животных и растений несводимы к простой витальности, к *zōē* лишенной *bios*, но что у них к тому же есть свои способы мышления, интеллект и социальность. После инверсии нужна реинтеграция двух видов жизни и выживания: интеграция, где каждый из них был бы проникнут другим, а не сохранялся во

взаимоисключающем состоянии. Жизнь разума не может быть отделена от жизни тела, как это было, скажем, в трудах Декарта. Точно так же жизнь ассамбляжа «разум-тело» (человеческих и нечеловеческих видов) не может быть отделена от среды. Выживание означает выживание организма и его мира: без пригодной для жизни и живой среды никто не выживет.

Не мы, благодаря тщательно выверенным коллективным практикам, удерживаем мир, подобно мифическому Атланту, а растения, обеспечивающие ингредиенты для жизни и выживания, необходимые для всех прочих видов витальности.

II

Можно ли выжить в лесу? Можно ли выжить без леса? Исторически сложилось так, что, когда речь заходит об этой экосистеме, в сознании европейских народов она ассоциируется с местом крайней опасности, грозящей индивидуальному и коллективному выживанию. Пространство для существования (на самом же деле для общества и цивилизации) должно было быть отвоевано у нее в напряженной борьбе. В европейском фольклоре леса были густыми, непроходимыми, темными – все эти качества они разделяли с материей. Леса также были населены множеством духов. Римский *Silvanus* и этрусский *Selvans*, русский *лешуй*, польский *leszy* или сербохорватский *lešij*, а также германские «люди мха», или «лесной народ» (*Moosleute, Waldleute, Holzleute*), были одними из главных хранителей леса, которым помогали нимфы, эльфы, гномы и другие его невиданные обитатели. Сказки об этих (и связанных с ними) богах и полубожественных существах были наполнены ужасом перед неизвестным, перед тем, что казалось одновременно бесконечным и клаустрофобически замкнутым, лишенным горизонта (*horizonless*). То были рассказы культур, возникающих «на пределе» беспокойных, расположенных на краю огромных лесов, рассказы о неукротимой, дико разрастающейся материи как о том, что не вписывается в узкие ограничения (также зарождающегося) деспотического разума.

Культуры, которые в бесспорно суровых условиях возникли, как бы вытащив себя за волосы из болота, возникли из сопротивления лесу, – культуры, которые, таким образом, поднялись против леса, – оказались в трудном, самоподрывном положении. Согласно силлогизму, если (1) некоторые культуры поднимаются против леса, но (2) без леса нет жизни, то (3) эти

культуры поднимаются против жизни². Вызов, с которым столкнулись такие культуры, по своим масштабам и последствиям стал глобальным. Пустыни, растущие по всему миру в результате вырубки лесов, суть среды, которые наилучшим образом соответствуют сухой абстракции глобальности, унаследованной от «опустынивания» и дематериализации разума.

До этого не должно было дойти: дух мог бы быть восприимчивым к материи, быть в лесу как дома, в то время как культура могла бы означать заботу и культивирование жизни. По сути, индийский писатель Рабиндранат Тагор в «Религии леса» сообщает, как духовная полнота тех, кто «входит во все сущее» (*sarvam evā viśanti*), переживается в лесу: «идеал совершенства, проповедуемый лесными жителями древней Индии, проходит через сердце нашей классической литературы и продолжает доминировать у нас в разуме»³. Они входят (*viśanti*) во все сущее в лесу, позволяя темно-зеленым вратам, открывающим путь к совершенству и единству с миром (который не является и никогда не может быть *глобальным*), сам этот мир выражать. Благодаря этому они находят прибежище (*praviśanti*) во всем. Лес и те, кого он укрывает, становятся неотличимыми от бога Кришны, который, заявляет Арджуне в «Бхагавадгите»:

Всех существ Я душа [*ātmā*], Гудакеша,
в самом сердце Я их пребываю [*sarvabhūtāsāyasthitah*];
Я – начало их, Я – середина,
и конец всех существ я также⁴.

«Пребывающий в самом сердце всех существ» Кришна, лес и древнеиндийские лесные обитатели суть дыхание всего; они сходятся в *атмане*, или в *брахмане*, который является «чувством единства высшей реальности»⁵. Не только выживание, но и высочайший уровень витальности неразрывно связаны с пребыванием в лесу.

Говоря о лесе, Тагор делится с читателями любопытным, пускай и сомнительным с антропологической точки зрения, наблюдением. Его слова стоит привести полностью:

«История европейских северян созвучна музыке моря... В море природа предстала перед этими людьми в образе опасности, преграды, которая, казалось, пребывала в постоянной войне с землей и ее детьми. Море было вызовом дикой природы непокорной

- 2 Вместе с Люс Иригарей я обрисовал это затруднительное положение в книге «Через растительное бытие: две философские перспективы» (IRIGARAY L., MARDER M. *Through Vegetal Being: Two Philosophical Perspectives*. New York: Columbia University Press, 2016). См., в частности, главу 2 «Культура, пренебрегающая жизнью».
- 3 TAGORE R. *Creative Unity*. London: Macmillan & Co., 1922. P. 46.
- 4 *Бхагавадгита* / Перев. с санскрита, иссл. и примеч. В.С. СЕМЕНЦОВА. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 58.
- 5 DONIGER W. *On Hinduism*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 129.

человеческой душе... Но в равнинных лесных районах Северной Индии люди не находили преграды между своей жизнью и великой жизнью, которая пронизывает Вселенную. Лес вступил в тесную живую связь с их трудом и досугом, с их повседневными потребностями и размышлениями. Они не могли мыслить другие среды как отделенные или враждебные»⁶.

История, которую Тагор рассказывает о лесах Северной Индии, противопоставляя их морям Европы, будет рассказана, *mutatis mutandis*, более, чем двадцать лет спустя, Карлом Шмиттом в «Земле и море» и «Номосе Земли»⁷. Но история о лесе есть также история леса: для Тагора это место имманентности, а стало быть, и мира, тогда как столкновение суши и моря есть зона трансцендентности – разделения и войны. С философской точки зрения, стихийное противостояние, формирующее Европу, достигает пика в судьбоносном разрыве между материей и духом, в то время как отсутствие экологических барьеров в Северной Индии благоприятствует гилеморфическому развитию – духу, прорастающему из материи, и материи, внутренне сформированной духом. В рамках этой грандиозной схемы вряд ли учитывается, что в более глубоких «континентальных» частях Европы (Германия, Польша, Украина, Россия...) лес кажется всеохватывающим, а море находится вовсе не на авансцене стихий. Рожденная из опыта критского (минойского) существования на острове и, позднее, эллинского существования на архипелаге европейская мысль на протяжении всей своей истории испытывала влияние этого морского опыта.

Выживание с лесом или против леса в различных культурных традициях обусловлено – до и вне характерных для них господствующих метафизических систем – специфическими конфигурациями стихий, задающими векторы развития этих культур. Фундаментальные определения метафизики являются экологическими. В частности, хотя, согласно логике, очерченной Тагором, лес принадлежит к земной стихии, он не отделен от остальных стихий, собранных в имманентное целое; земля уже включает в себя четверицу земли, воды, воздуха и огня. Именно в этом смысле быть в лесу означает «пребывать в самом сердце всех существ»: лес – это синекдоха (часть, обозначающая целое) точно так же, как растение – синекдоха природы, а деревянная или древесная материя в греческом обозначении *hylē* – синекдоха материальности как таковой. Вот почему жизнь больше не противопоставляется жизни там и выживание не ставится выше выживания и против него. Эффективная синекдоха благоприятствует симбиозу – и не в последнюю очередь симбиозу *bios* и *zōē*.

6 TAGORE R. *Op. cit.* P. 46–47.

7 ШМИТТ К. *Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Согласно отчету Международного совета ботанических садов по охране растений (*Botanic Gardens Conservation International, BGCI*), опубликованному в начале сентября 2021 года, более 30% видов деревьев во всем мире находятся под угрозой вымирания. Если быть точным, это 17 500 видов деревьев, что превышает число всех находящихся под угрозой вымирания видов птиц, рептилий, амфибий и млекопитающих вместе взятых⁸. Три главные причины нынешней катастрофической ситуации в действительности связаны не с климатическим изменением, а с агрокультурой (вырубка деревьев ради производства зерновых), лесозаготовкой и животноводством (вырубка для сельского хозяйства или выпаса скота). То, что некогда содействовало человеческому выживанию в некоторых частях мира, теперь работает против выживания видов растений и животных, человеческих сообществ и пригодной для жизни планеты в целом. А значит, возвращаясь к моим вступительным замечаниям, нам надо обратить внимание на динамику выживания, зачастую весьма неоднозначную, и, прежде всего, извлечь ее глубинный смысл из леса, из самих растений.

Как мы уже видели, выживание не обязательно подразумевает противопоставление одной жизни другой, одного вида жизни другому или утверждение жизни за счет смерти. Для выживания и процветания крайне важно выковать хорошее отношение к смерти, к компосту природы и культуры, из которого может возникнуть новая жизнь и от которого жизнь неизменно подпитывается. Растения развенчивают многие наши предубеждения, касающиеся оппозиционных сочетаний, одним из которых является жизнь и смерть. Растения не только поддерживают связь с царством распада через корни, но и могут жить и умирать одновременно – расцвести в одних частях и разлагаться в других. Как пишет Авраам Б. Иегошуа в рассказе под названием «Лицом к лицу с лесом»: «Невесомая, [хвоя] беспрестанно сыплется сверху; строгий игольчатый наряд сплетен из неразделимых нитей жизни и смерти»⁹.

Выживание одного дерева, питающегося еще и собственными гниющими опавшими листьями и плодами, зависит от метаморфоз компоста, которым способствуют хрупкие сообщества микроорганизмов, грибков и бактерий, «переваривающих» органическую материю. Не существует леса без этого непрерывного переваривания древесной материи в свежий гумус. Выживание отдельного человека в равной степени обязано трудам, которые растворились в недрах существования, в том числе и

⁸ См.: www.bgci.org/news-events/bgci-launches-the-state-of-the-worlds-trees-report/.

⁹ Иегошуа А. Б. *Лицом к лицу с лесом* // Он же. *Сборник рассказов*. М.: Гешарим; Мосты культуры, 2001.

в недрах языка, трудам, которые продолжают питать будущий рост. Не бывает культуры без этого упорного впитывания продуктов человеческой деятельности, утративших исходную идентичность и узнаваемую форму, в непрозрачные основы того, что составляет живую культуру.

Еще один урок, который мы можем извлечь из выживания растений и лесов, касается разделяемой природы этого феномена. Выживание неизменно является результатом жизни, проживаемой с другими (даже с теми, кого уже нет в живых, и уж точно с иными-чем-людьми); по-испански мы могли бы сказать: *supervivencia es convivencia*. Растения выживают с другими растениями, с которыми у них общие корни или биохимические системы связи, с микроорганизмами в переходных зонах кроны и органическим веществом, которое эти микроорганизмы помогают разлагать, с животными и людьми, повсюду разносящими свои генетические материалы. Что бы теории выживания наиболее приспособленных нам ни говорили, в их исходном биологическом смысле или в прикладном социокультурном, выживание происходит с другими, в их компании, а не ценой их жизни. Уничтожение леса – это не только лишение нас самих и бесчисленных других видов растений и животных шанса на выживание; оно по тому же принципу наносит ущерб выживанию выживания, его базовой логике или артикуляции.

Коллективная природа выживания, воплощаемая в лесу, делает выбор между типами жизни – *zōē* или *bios*, биологией или культурой-духом – устаревшим. Также устарело предпочтение, отдаваемое экологии или экономике, предпочтение, которое традиционно опиралось на то же различие между типами жизни. «Зеленые» экономики, необходимые в наши дни, упустят главное, если метафорически окрасят экономическое здание в зеленый цвет, ограничив изменения уровнем красочной поверхности. Глубокая интеграция двух областей начнется с осознания, что экономика и экология вращаются вокруг одного и того же, что отражено в общей первой части двух слов: *эко-*, от греческого *oikos*, жилище. И то и другое изначально мотивировано беспокойством и заботой о жилище, что несводимо к застройке сред или требующимся для этого строительным материалам, а включает в себя – в самом широком смысле – весь живой и пригодный для жизни мир. Лес – оплот жилища и множество жителей. Без него нет ни экологии, ни экономики; нет *oikos*. Таким образом, нет задачи, более важной, чем обеспечение его выживания.

Перевод с английского Дениса Шалагинова